

Л.С. Гуцан, С.А. Штырков

**НОВЫЙ ПРОЕКТ ПО ИЗУЧЕНИЮ
ЭТНОРЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ АРМЯН,
ПРОЖИВАЮЩИХ В РОССИИ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ
РЕЗУЛЬТАТЫ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ
ПЕРСПЕКТИВЫ¹**

В центре нашего исследования стоят вопросы, связанные с жизнью армян в России, в первую очередь — деятельность диаспорных институций. Проект предполагает две части — историческую и этнографическую, а также изучение двух диаспоральных локусов, имеющих давнюю историю — полиэтничного, (до известной степени) космополитичного мегаполиса (г. Санкт-Петербург) и национальной республики, в которой были бы представлены типические черты идеологии нациостроительства на базе титульной этнической группы (Республика Северная Осетия — Алания). Исторические исследования практически завершены и могут быть представлены в виде отдельных статей. Этнографическая часть проекта только начата, но уже есть интересные предварительные результаты. Их можно разбить на несколько тематических кластеров.

Диаспоральная идентичность. В процессе исследования, проводимого в Санкт-Петербурге, было обращено внимание на восприятие информантами термина «спюрк» досл.: рассеяние (ср. диаспора). Это слово до 1980-х годов употреблялось исключительно для обозначения западноармянской постгеноцидной диаспоры. Однако с 1990-х годов в понятие спюрк были введены и армянские общины на постсоветском пространстве, что произошло сначала в армянской, а потом и в русской научной и политической среде. Следует отметить, что петербургские информанты отказывались воспринимать себя как проживающих (или находящихся) в спюрке: «Мы не в спюрке / за границей. Мы — в России», между тем как термин «армянская диаспора» оказался

---

¹ Исследование поддержано грантом Российского гуманитарного научного фонда № 12-21-20001 «Россия и Армения: уроки прошлого и современные перспективы».

для них приемлемым. Заметим, что среди армяноязычных информантов был зафиксирован термин ընդրըր — «вне, за пределами», при этом противопоставление делается не при помощи антонима ներըր, а с использованием слова Հայաստան(ում). В этом случае внимание акцентируется на некоем существующем «пространственном центре» — Армении, и все остальное пространство вне нее оказывается — ընդրըր.

Во Владикавказе мы столкнулись с несколько иной ситуацией. Там термин спюрк последовательно внедряется лидерами церковной общины — выходцами из Республики Армения. При этом в этом дискурсе происходит спецификация: предлагается разделить «ближний спюрк» (страны СНГ) и «дальний», к которому традиционно применяется упомянутый термин. Однако в общине термин спюрк, употребляемый по отношению к местным армянам, не приживается и продолжает обозначать «далекую диаспору» (Америка, Франция, Ливан). Это в некоторой мере отражает особенности самоощущения осетинских армян: они воспринимают Россию (и некоторые другие страны постсоветского пространства) в качестве актуальной родины для многих армян, куда они или их предки переехали по собственной воле, а другие, более дальние страны, в которых живут армяне, — как места вынужденной иммиграции. В это же время Армения остается для них страной, которая является скорее объектом заботы армянской диаспоры, чем источником благ и безопасности. Разумеется, с точки зрения всех наших информантов, она легитимно импортирует аутентичные армянские продукты (например, учебники родного языка), но не обеспечивает безопасность и преуспевание армянам, находящимся вне актуальной или исторически понимаемой национальной родины.

Географический и демографический аспект диаспоры. Поскольку петербургская армянская община не является однородной по времени переселения, для интервью были выбраны как петербуржцы-армяне, живущие здесь уже несколько поколений, так и приехавшие в последнее время (наименьший отрезок пребывания к моменту интервью было у информанта С., приехавшего за полгода до этого). Возраст информантов при переселе-

нии определяется от 6 месяцев до 35–40 лет. Следует учесть, что наибольшее число переселенцев оказалось в Санкт-Петербурге в период конца 1980 — начала 1990 годов, который можно определить как переходный, в том числе и с точки зрения миграций. Переселенческие потоки, например из Баку, шли через Армению (оставляя там некоторых беженцев) в Россию (здесь тоже часть людей оседала) и, во многих случаях, далее в США и Западную Европу.

Выезд из Армении беженцев из Баку и областей, оказавшихся в эпицентре военных действий, был связан со значительными трудностями интеграции в моноэтническое армянское общество. Кроме того, сказывались экономические и психологические сложности страны, пережившей в 1988 г. землетрясение. А из России многие мигранты направлялись на Запад, в первую очередь, по причине неготовности страны к потоку беженцев, отсутствия механизмов для их приема и роста ксенофобских настроений. В настоящее время наблюдается относительная стабилизация в армянском обществе, как в стране, так и в диаспоре: завершились крупные по численности миграции.

Для структурирования идентичностей и разработки стратегий в диаспоре имеют значение такие факторы, как места эмиграции и связанные с этим вопросы социализации. Важным для исследования представлялась гетерогенность локальных групп, поэтому были выбраны информанты, как родившиеся в Санкт-Петербурге, так и прибывшие из Баку, Карабаха, Еревана, Ванадзора, Джавахка. Следует отметить, что в современной армянской диаспоре существует многоступенчатая локальная идентичность. Ответ на вопрос «откуда ты / вы?» может иметь три уровня: «мы» — предки, родители и дети, дети, что соответствует месту рождения представителей как минимум трех поколений семьи информанта.

В армянской общине Владикавказа ситуация несколько иная. Костяк диаспоры составляют потомки давних (XIX в.) или относительно давних (1910–1920-е годы) мигрантов из Западной Армении (есть и выходцы из Грузии и Ирана). Они хорошо помнят локусы исхода своих предков. Но их диаспоральное воображение основывается только двух главных пунктах ментальной карты —

город или деревня в Западной Армении и Осетия, понимаемая чаще всего как город Владикавказ, но с другой стороны — как часть России.

Локальный диаспоральный патриотизм. В исследовании уделялось внимание вопросам легитимизации диаспорой собственного присутствия в стране пребывания посредством включения себя в локальный, имперский и общесоветский нарратив. Данные процессы проходят через следующие институции — места памяти: музеи (презентируются экспозиции, демонстрирующие армянские артефакты, уникальные предметы; экспонаты, относящиеся к жизни и деятельности армян, живших и работавших в Санкт-Петербурге в разные годы); концертные залы, где происходят «чествования» «известных, сделавших многое для города» современников. Своеобразным «местом памяти» является возрожденная кафедра кавказоведения на Восточном факультете СПбГУ. Кроме того, важным транслятором идеи значимости представителей диаспоры в течение всей истории России является популярная историческая литература, в которой повествуется о великих армянских политических деятелях, художниках, музыкантах, композиторах и ученых.

Для армян в Северной Осетии основания для легитимизации их проживания основываются на трех различных аргументах. Первый строится по принципу: «Армяне очень много сделали для города и республики» (причем в техническом, т.е. строительном смысле этого слова). Существует и нарратив конвергенции двух этнических традиций — осетинской и армянской по принципу: «Мы знаем и уважаем их обычаи, а они — наши, и некоторые из этих обычаев давно стали общими» (примерами служит осетинский обычай сбора средств в пользу семьи умершего на похоронах, а также участия армян в главных осетинских годовых праздниках — Хетаджи бон и Джеоргуыба). И наконец, особенно важным основанием для локальной идентичности является память о существовании в самом центре города армянского квартала, в котором располагаются «Армянская улица» и армянская церковь, являющаяся одним из главных символов Владикавказа и визуализирующая присутствие армян в этом городе.

Впрочем, в общине существует стойкое убеждение, что степень визуализации еще не соответствует реальному вкладу армян в строительство и жизнь Владикавказа. Поэтому одним из главных актуальных проектов общины является создание и установка памятника известному российскому военачальнику и государственному деятелю XIX века армянского происхождения М.Т. Лорис-Меликову, который, будучи начальником Терской области, много сделал для Владикавказа в целом и местной армянской общины в частности. В общине болезненно воспринимают отсутствие поддержки этой инициативы со стороны республиканских властей. Это накладывает на общие опасения, связанные с потерей армянами статуса «градообразующего» народа. Общая «этнизация» (остинизация) Владикавказа за счет выходцев из сельской местности и мигрантов из Южной Осетии и Грузии меняет демографический баланс в республике и роль меньшинств в публичной жизни, их представленность в местной политической элите (например, в республиканском парламенте) понижается. Это воспринимается лидерами общины как несправедливость, требующая исправления.

Жизненные стратегии в диаспоре. Существенными в ходе исследования оказались вопросы, связанные с социально-профессиональным статусом членов группы, интервью позволили уточнить изменения в таких статусах в зависимости от времени и условий переезда. В ходе работы также обращалось внимание на включенность информанта в деятельность, связанную со структурами и организациями, декларирующими свою армянскую направленность, а также в «армянскую культурную жизнь» города.

Церковь и национальная община. Для армянского сообщества Санкт-Петербурга оказалась весьма существенной роль Армянской Апостольской Церкви (ААЦ), в том числе и как института, структурирующего «реальную этнодисперсную группу» (термин Г.В. Старовойтовой). Особенностью петербургской армянской диаспоральной жизни является вертикальная система ее организации. Исторически сложилось так, что уже при первых миграционных потоках церковь, а также организованные при ней службы и общественные движения стали единственным в городе

структурами, помогавшими беженцам и вынужденным мигрантам (1988–1990-е годы) ориентироваться в новом и непривычном социальном пространстве позднесоветского (или российского) мегаполиса.

В этом смысле характерна сложившаяся в эти годы репрезентационная практика, которая стала впоследствии традиционной: армянская церковь Петербурга принимает всех армян, которые в нее приходят — как верных христиан, так и людей, от религии далеких, как старожилов, так и новоприбывших — в этом смысле все армяне для нее равны, т.е. по умолчанию определяются как «дети церкви». Такой была официальная позиция первого постсоветского настоятеля армянской церкви, которая актуальна по сей день. И сейчас, как сказала (не без некоторого сожаления) одна прихожанка храма св. Екатерины, церковь для армянина является не столько «домом Божиим», сколько «родительским домом».

Между тем в настоящее время конфессиональная составляющая армянской идентичности и значение церкви как важного института социализации армян диаспоры приобретают все большее значение. Одними из наиболее важных считаются обряды крещения (мкртутьюн), миропомазания (кнунк, дрошм) и первого причастия (нахордутьюн), которые в ААЦ образуют единое чинопоследование. В настоящее время в диаспоре религиозные практики вновь приобретают значение одного из важнейших актов этноконфессиональной социализации. Причем данный аспект касается, в первую очередь, родителей, которые в условиях доминирующего иноэтничного и иноконфессионального окружения имеют возможность выбрать как для себя, так и для своих детей другие религиозные стратегии. Кроме того, один из родителей может быть представителем другого направления христианства, что вызывает вопросы лояльности ААЦ к христианам, крещеным в других церквях. Первичная социализация детей становится вопросом социализации или ресоциализации в армянской (как светской, так и религиозной) среде их родителей. Армянская церковь предпочитает не разделять свою паству в зависимости от обряда крещения (армянского или проведенного другой христианской церковью), не отказывает в крещении неармянам, вне зависимости от кон-

фессиональной принадлежности их родителей, и запрещает вторичное крещение. Однако ААЦ строго придерживается правила, согласно которому крестный отец — крестная мать — «должен быть армянином, крещенным в Армянской Церкви, и обладать духовными знаниями, чтобы воспитать младенца согласно Божиим заповедям и национальным традициям».

В представлениях владикавказских армян о церкви и церковной общине есть своя специфика. Дело в том, что эта единственная церковь города, которая не была закрыта в советские годы. Соответственно она воспринимается как центр максимально устойчивой религиозной общины, в которой в годы гонений на церковь принимали святое крещение не только армяне, но и «православные» — осетины и русские. По всеобщему убеждению все армяне связаны со своей церковью исторически и мистически. Историческая связь проявляется в том факте, что в советские времена многие армяне-коммунисты и комсомольцы не стеснялись ходить в храм и даже делать богатые (и что очень важно — не тайные) пожертвования. Мистическая связь иллюстрируется тем фактом, что даже атеисты, ни разу за свою жизнь не переступившие церковный порог, после смерти оставляли имущество в пользу армянского прихода.

Лингвистический национализм в армянской диаспоре. Одним из критериев сохранения или отказа от армянской идентичности считается знание / незнание родного языка. Поэтому в исследовании представлены информанты с разным уровнем знания армянского языка (от литературного (включая письменный) до исключительно одного из диалектных вариантов), а также те, кто в настоящее время учит язык или вообще им не владеет. Важно отметить, что кроме практического использования армянского языка, в интервью фигурировала презентация языка как важного элемента-символа. Таким образом, было определено значение армянского языка не только как инструмента коммуникации, но и как личного капитала — пропуска в международный «армянский клуб» и к сокровищам национальной культуры, к которым нет никакого другого доступа, кроме как через материнский язык.

Еще одним аспектом диаспоральной лингвистической идеологии является сакрализация армянского языка. В этом контексте

мы можем указать на следующие явления: во-первых, трансляция представлений об изначальной предрасположенности речевого аппарата армян к родному языку, во-вторых, придание буквам армянского алфавита функций национального символа (демонстрация всего алфавита или отдельных букв на предметах интерьера); в-третьих, использование изображений св. Месропа Маштоца, создателя армянского алфавита, в качестве национальной иконы.

Национальный эсхатологизм. Сам факт существования диаспоры является провокацией для рефлексий о судьбе собственной этнической группы. Угрозы, реальные или воображаемые, в адрес национальной родины добавляют драматизма в рассуждения представителей диаспоры о судьбе армянского народа вообще. Эти идеи, которые можно обобщенно назвать национальной эсхатологией, имеют прямые параллели с христианскими представлениями о конце времен. Но как в любой христианской эсхатологической модели, ожидания армян предполагают не только знамения о наступлении трагичных для нации времен, но и знаки грядущего освобождения и установления царства славы. В качестве этих знамений рассматриваются победы армянского народа в ходе Карабахской войны, когда «вечные жертвы» смогли стать победителями и, что особенно важно, освободителями земли предков.

Е.С. Дегтярева, М.А. Хадзиев

ОСОБЕННОСТИ СУФИЙСКОГО ПОНИМАНИЯ ЛЮБВИ В СВЕТЕ МЕЖРЕЛИГИОЗНОГО ДИАЛОГА НА ОСНОВЕ УЧЕНИЯ СВЯТОГО ШЕЙХА КУНТА-ХАДЖИ КИШИЕВА

*Поистине, те, кто уверовал и творил добрые
дела, — им Милосердный дарует любовь.*

Коран (19 сура «Марьям», 96 аят)

Тема любви относится к области тем, актуальность которых не нуждается в доказательствах. В священных писаниях мировых